

Сергеева Екатерина Владимировна

НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО И СТИЛИСТИЧЕСКОГО КОНТРАСТА (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА "НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДА КОЛОКОЛАМСКА")

Статья посвящена исследованию номинативной функции контраста на примере рассказов "Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска" И. Ильфа и Е. Петрова. Рассмотрены особенности реализации контраста в словосочетаниях и предложениях, вынесенных в сильную позицию текста: заглавие рассказов, имена героев и др. Обозначены функции контраста в создании комического эффекта, а также его роль в отображении авторского отношения к современной действительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 173-176. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Медведева М. А.** Вокалические варианты фонетических диалектизмов в произведениях хакасских писателей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8. Ч. 1. С. 126-129.
2. **Наделяев В. М.** Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1980. С. 3-91.
3. **Наделяев В. М.** К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск: Бердская типография, 1986. С. 3-15.
4. **Наделяев В. М.** Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1981. С. 11-37.
5. **Потапов Л. П.** Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1969. 196 с.
6. **Селюткина И. Я., Добринина А. А.** Артикуляторная специфика согласных в территориальных говорах диалекта алтай-кижи // Тюркская руника: язык, история, культура (к 120-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности): мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Кызыл, 10-11 июля 2013 г.). Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2013. Ч. I. С. 96-99.
7. **Селюткина И. Я., Уртегешев Н. С., Летягин А. Ю., Шевела А. И., Добринина А. А., Эсенбаева Г. А., Савелов А. А., Резакова М. В., Ганенко Ю. А.** Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Серия: Интеграционные проекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. Вып. 41. 372 с.
8. **Чумакаева М. Ч.** Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-е Алтайского книжного изд-ва, 1978. 244 с.

**SPECIFICS OF ARTICULATION-ACOUSTIC BASES OF THE LOCAL DIALECTS
OF THE ALTAI-KIZHI DIALECT (ACCORDING TO THE DATA FROM MAGNETIC RESONANCE IMAGING)**

Selyutina Iraida Yakovlevna, Doctor in Philology, Professor
Dobrinina Al'bina Al'bertovna, Ph. D. in Philology
Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
siya_irina@mail.ru; ekinur@mail.ru

The article compares the special features of articulation-acoustic bases of the two local dialects of the Altai-Kizhi dialect - ongudaysky and ust-kansky. On the instrumental data received by the method of magnetic resonance imaging the author analyzes the articulatory settings of guttural consonants. The analysis testifies that ust-kansky articulations are relatively more strained and pulled back in comparison to ongudaysky. According to the authors, the reasons for such differences take its origin in the history of forming the Altai-Sayan ethnical groups and their languages.

Key words and phrases: Turkic languages; Altai (Oyrot) language; experimental phonetics; magnetic resonance imaging; articulation-acoustic bases; consonantism; guttural consonants.

УДК 81.42

Филологические науки

Статья посвящена исследованию номинативной функции контраста на примере рассказов «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска» И. Ильфа и Е. Петрова. Рассмотрены особенности реализации контраста в словосочетаниях и предложениях, вынесенных в сильную позицию текста: заглавие рассказов, имена героев и др. Обозначены функции контраста в создании комического эффекта, а также его роль в отображении авторского отношения к современной действительности.

Ключевые слова и фразы: контраст; семантический контраст; стилистический контраст; номинативная функция; текст.

Сергеева Екатерина Владимировна

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
ESergg@yandex.ru

**НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО И СТИЛИСТИЧЕСКОГО КонтРАСТА
(НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА
«НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДА КОЛОКОЛАМСКА»)[©]**

Контраст, его сущность, составные элементы и функции – проблема, которая является общей для целого ряда дисциплин: философии, этики, эстетики, литературоведения, лингвистики.

Философская категория контраста рассматривается через призму таких ее составляющих, как противоположность и противоречие, и определяется как некая отдельно взятая часть единой целостной системы, конфликтующая, борющаяся с другой ее частью [11].

Этика – учение о нравственности и морали – реализует проблему контраста в соотношениях «государство и человек», «бог и человек», «вера и знание» и др. [3].

Эстетика видит назначение контраста в том, что резко противоположные по каким-либо параметрам предметы или явления будят в нас новые чувства, которые не могут быть вызваны при восприятии их по отдельности [5].

В литературоведении контраст трактуется как один из способов восприятия художником действительности, как прием, который заключается «в противопоставлении образов и планов описания художественных произведений, речевого поведения людей в конфликтных ситуациях» [8, с. 115].

В лингвистической литературе контраст нередко связывают с явлением лексической антонимии, антитезы, оксюморона и парадокса. Контраст, тем не менее, проявляется гораздо шире, возникая в результате появления неожиданного элемента в нейтральном контексте, находя свое выражение в системе разноуровневых оппозиций и функционируя как один из видов семантико-стилистической организации текста.

Контраст, по словам К. Н. Марченко, представляет собой «источник синтагматического напряжения, проявляется на всех уровнях языковой организации и композиционной структуры художественных текстов» [7, с. 91].

Так, И. И. Ковтунова выделяет следующие типы контраста:

1) семантический контраст, при котором наблюдается соединение далеких, обычно не сочетаемых в обыденном сознании понятий; на лексическом уровне своеобразным его проявлением выступает оксюморон;

2) стилистический контраст, представляющий собой сочетание в тексте разностилевых элементов; стилистический контраст «служит приемом создания в речи образных, метафоричных выражений» [10, с. 483];

3) ритмико-синтаксический контраст, при котором наблюдается последовательно проведенное через текст резкое столкновение ритма и синтаксиса;

4) композиционный контраст, заключающийся в чередовании в тексте отрезков с разной метрической структурой, отрезков стиха и прозы [6, с. 13-14].

Именно семантический и стилистический контрасты становятся, на наш взгляд, доминантным приемом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова. Контрастные черты героев, их поступков и даже целых эпизодов-ситуаций в цикле рассказов «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска» ярче всего представлены парами слов, которые воспринимаются нами как противопоставленные друг другу по значению, по принадлежности к тому или иному стилю или историческому контексту.

Наиболее примечательны те контрастные слова и словосочетания, которые вынесены в сильную позицию: заглавие рассказов, имена героев, всевозможные наименования, встречающиеся в тексте.

Имена героев – Ной Архипович Похотилло, Синдик-Бугаевский, Подлинник, Досифей Взносков и др. – вызывают у читателя ряд ассоциаций, которые, накладываясь друг на друга, рожают противоречивый смысл.

Интересна игра слов, заложенная в имени одного из героев цикла рассказов: Ной Архипович Похотилло. Общеизвестное, прецедентное имя Ной невольно обращает читателя к библейскому сюжету: согласно Книге Бытия, потоп явился Божественным возмездием за нравственное падение человека. Бог решил истребить таким образом всё человечество, оставив в живых лишь благочестивого Ноя и его семью – Ной был единственным человеком, угодным Богу, среди всех живущих в то время на земле. Свой «благочестивый» Ной есть и у колоколамцев, и читатель, узнав имя героя, давлив его качествами библейского персонажа, проиграв в воображении ожидаемый сценарий будущего действия, вдруг сталкивается с неуместными отчеством и фамилией, а затем и вовсе с неправомерным поведением.

Отчество Архипович лишает имя быллого оттенка серьезности, сакральности, создает игровой эффект. С одной стороны, имя Архип носит возвышенный оттенок благодаря отсылке к изначальному, древнегреческому определению «старший всадник», «повелитель коней» (отсюда, вероятно, изначальное представление «*капитан Ной Архипович Похотилло*» [4, с. 51], капитан в значении лидер, предводитель). Кроме того, уместно вспомнить и широко известного в христианстве Архиппа, апостола от 70-ти, избранного Иисусом Христом, чтобы проповедовать в Палестине. С другой стороны, имя Архип на русской почве теряет быллого возвышенный оттенок и, наоборот, звучит максимально приземленно, став наиболее популярным в простой среде, в среде крестьян, рабочих. Читатель наблюдает сложный контраст: контраст прецедентного Ной и приземленного русского и возвышенного древнегреческого, христианского Архипович.

Прецедентное «Ной Архипович» снижается, нивелируется говорящей фамилией Похотилло. Слово «Похотилло» образовано от существительного «похоть». Несмотря на то, что в обыденном сознании похоть чаще всего понимается как «грубо-чувственное половое влечение, сладострастие» [9, с. 766], здесь уместно рассмотрение фамилии именно в религиозном ключе. В христианстве похоть – любые желания, которые причиняют человеку страдания и неудобство, желания, которые противоречат пониманию человеком «закона». Так, герой оказывается подлым, циничным, меркантильным.

Имя Ной Архипович Похотилло оказывается наиболее удачным для главного героя. Пытаясь скопировать библейскую ситуацию, где бы он выступил в роли спасителя, герой преследует другие цели. В то время, когда он живет, важны не праведность и святость, а умение найти выгоду в любой ситуации: «*И тут только гражданам поняли, что означает странное выражение капитана – «Считаться не приходится». Считаться приходилось все время. Ной Архипович брал за все: за вход, за багаж, за право взять в плавание пару чистых или нечистых животных и за место на корме, где, по уверениям капитана, должно было меньше качать. <...> У ковчега образовалась огромная пробка. Хлебнувший водки капитан заявил, что после потопа денежное обращение рухнет, что денег ему никаких поэтому не надо, а даром спасать колоколамцев он не намерен.*

Ноя Архиповича с трудом убедили брать за проезд вещами. Он стоял у входа на судно и презрительно рассматривал на свет чьи-то диагональные брюки, подбрасывал на руке дутые золотые браслеты» [4, с. 52].

Таким образом, имя героя Ной Архипович Похотилло построено на приеме понижающей градации: прецедентное «Ной» снижается приземленным русским «Архипович», а затем и вовсе нивелируется говорящей фамилией Похотилло. Понижающая градация, контраст – приемы, участвующие в создании имен персонажей, – помогают автору дать первоначальную характеристику и оценку их характера и поступков.

Не менее звучное имя другого персонажа – *Синдик-Бугаевский*. Как указывается в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, синдик – у греков защитник на суде [12]. Синдиками назывались также в Афинах после изгнания 30 тиранов чиновники, составлявшие особое присутствие для рассмотрения вопросов о передаче конфискованного имущества частному лицу или государству, предъявлявшему свое право на получение такого имущества или части его. В новое время синдиком называли должностное лицо, ведущее судебные дела какого-нибудь учреждения.

Герой отчасти берет на себя функции, изначально закрепленные за синдиками. «...*Капитан Похотилло увидел вдали начальника курсов декламации и пения Синдик-Бугаевского, за которым в полном составе двигались ученики курсов»* [4, с. 52]. Синдик-Бугаевский, ведя целую «делегацию» в ковчег, действительно стремится защитить вверенных ему людей, спасти их от гибели. Кроме того, именно этому герою отводится роль судьи-насмешника над «отборными колоколамцами»: «*На пятый день выпустили вторую ворону. Она вернулась через пять минут. К левой ее ножке была привязана записочка: —Вывайте, дураки». И подпись: —Синдик-Бугаевский»* [Там же, с. 53].

Вторая часть фамилии Бугаевский образована от слова «бугай». С одной стороны, бугай – большой, громоздкий человек, а значит, возможен намек на внешность героя. С другой стороны, бугай – это басовый фрикционный музыкальный инструмент [2] – такое понимание оправдано переключкой с профессией героя. И тогда двойная фамилия, тем более со специфическим суффиксом -евск-, которая в обычной жизни встречается достаточно редко и претендует на знатность рода, звучит нелепо и смешно в сочетании с семантикой второй ее части.

Не менее интересно введение в сюжет рассказа еще одного героя – «председателя лжеартели мосье Подлинника» [4, с. 52].

Представление этого героя полностью построено на контрасте. Новомодные слова, а вместе с ними и должности и объединения: председатель, артель – вполне отвечают духу времени. Но слово «артель» приобретает значимую часть *лже-*, а председатель оказывается не кем иным, как мосье, господином. Смысл переворачивается с точностью до наоборот. Следующий поворот смысла связан с абсурдным столкновением двух антонимов: *лжеартель* и *Подлинник*. Основатель псевдоорганизации – человек с «безукоризненной» фамилией.

Имя Досифея Взносова, пролетария чистых кровей, как называют его колоколамцы, не так «безукоризненно», как его происхождение. Если фамилия Взносов действительно современная и новомодная: взносы – одна из важных и неотъемлемых сторон новой жизни, – то имя Досифей, скорее, пережиток прошлого: Досифей, в переводе с греческого, «Богом данный», имя преподобных Досифея Палестинского, Досифея Киевской. Таким образом, контраст вновь основан на совмещении в одном контексте слов, принадлежащих разным эпохам, разным мировоззрениям.

Так же контрастно имя другого персонажа – Васисуалия Лоханкина. Васисуалий – форма имени Василий – звучит слишком громко, поэтично в сочетании с простой, даже простецкой, прозаической фамилией Лоханкин, вызывающей ассоциации с обычной чашей для стирки белья, мытья посуды, воспринимающейся весьма приземленно.

Контрастно представление и других героев: «*ответработник товарищ Плинтусов, его жена мадам Плинтусова и их дети: мальчик Гога и девочка Демагога»* [Там же, с. 72]. Фамилия, как и в предыдущем примере, подчеркивает пролетарское происхождение людей, ее носящих. Определение отца семейства как «ответработника» и «товарища» также вполне соответствует духу времени. Однако, в контраст этому, к его жене, занимающей сегодня весьма высокое положение, обращаются, используя лишь дореволюционное аристократическое «мадам».

Знаменательны имена детей – Гога и Демагога, – невольно отсылающие читателей к библейским Гоге и Магоге, двум народам, нашествие которых, согласно христианской религии, потрясет мир незадолго до прихода Мессии. Однако серьезный библейский контекст разрушается преобразованием Магоги в Демагогу, и имя девочки, по мнению колоколамцев, звучит свежо и современно.

Контраст, заложенный в основу имен героев, позволяет увидеть не только те противоречия, которые характеризуют саму личность, ее поведение, но и те, которые существуют в современном ей мире, в новой эпохе. Эти же противоречия отражены и в самых различных наименованиях, которые встречаются на страницах рассказов.

Названия, которые дают колоколамцы улицам, магазинам, увеселительным заведениям, акцентируют, заостряют внимание читателя на том, что мир, изображенный в рассказах, четко делится на то, что было, и то, что стало: *пивная «Голос минувшего», общество «Геть рукопожатие», «Геть неграмотность», Спасо-Кооперативная площадь, артель бывших монахинь «Деепричастие», старинный храм Выявления Христа, Кресто-Выдвиженческая церковь*. Контрастные, противоречивые определения отражают такую же противоречивую, переломную эпоху, когда неустоявшееся, но «новое», реформистское сознание вытесняет «старый», формировавшийся веками, уклад жизни.

Наиболее яркое в этом отношении название «Спасо-Кооперативная площадь». Новомодное слово «кооператив» в значении «организация, основанная на принципе индивидуального членства в целях совместного

труда или удовлетворения иных потребностей материально-экономического характера» [1, с. 209] явно контрастирует со старым, весьма распространенным еще в досоветские времена, имеющим отношение к религии, словом «спас». Люди словно оттеняют новое, яркое слово старым, скучным, подчеркивают свою принадлежность новому времени, эпохе глобальных реформ и преобразований.

Подобное соединение старого и нового удачно представлено также и в выражении «артель бывших монахинь –Деепричастие»» [4, с. 66]. Монахини – члены религиозной женской общины, давшие обеты бедности, целомудрия и послушания оказываются передовыми работниками новообразованной организации – артели, наименование которой еще более парадоксально, чем эта метаморфоза. Причастие – это одно из семи Таинств Церкви оказывается идеологически переосмыслено героями, смысл своего существования они теперь видят не в причащении как радости общения и соединения с Христом, а в деятельности (-дее- имеет тот же корень, что и -дей-, то есть содержит сему «действие»). Кажется, что всё, что принадлежит области религии, не просто теряет смысл, но и намеренно принижается, даже высмеивается, и в результате появляются абсурдные, контрастные выражения, например: «артель бывших монахинь –Деепричастие»», «старинный храм Выявления Христа» или «Кресто-Выдвиженческая церковь». Старинный храм не воспринимается людьми как место, освященное, озаменованное явлением, откровением божием. Теперь это место, где выявляют, выискивают Христа, словно он является чем-то материальным, физическим. Кресто-Выдвиженческая церковь теряет связь с православным праздником Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, потому что священное действо поднятия, воздвижения Креста здесь принимает утрированный вид его выдвигания, смысл намеренно приземляется, искажается, профанируется. Таким образом, сталкивая в одном контексте слова разных сфер употребления, авторы показывают один из основных контрастов современной им эпохи: контраст религиозного, обыденного и атеистического мировоззрений.

Давая те или иные названия улицам, магазинам, храмам, научным, увеселительным заведениям, так или иначе обращаясь друг к другу, герои намеренно подчеркивают свою принадлежность к новому, современному им миру, но при этом вполне оторваться от прошлого оказывается невозможно: «*бывший мещанин, а ныне бесцветный гражданин города Колоколамска*» [Там же, с. 74]. Прошлое, дореволюционное проступает сквозь новое, тем более чем больше герои хотят оторваться от него. Они словно живут на границе старого и нового, прошлого царского и будущего советского. Они уже переступили за черту первого мира, но еще не вступили во второй. Отсюда возникновение различных контрастов, основанное на постоянном упоминании о прошлом, порождение языковой игры.

Таким образом, контраст, выступая как принцип построения номинативных единиц текста, создавая иерархию форм и смыслов, служит стили- и текстообразующим приемом художественного текста, позволяет с максимальной эмоциональностью и экспрессивностью воссоздать важные фрагменты действительности.

Список литературы

1. **Большой юридический словарь** / под ред. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских. М.: Инфра, 2003. 704 с.
2. **Бугай**. [Электронный ресурс]. URL: <http://eoml.ws/percussion/buhay/> (дата обращения: 23.04.2014).
3. **Гусейнов А. А.** Этика // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. 470 с.
4. **Ильф И., Петров Е.** Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска. М.: Ломоносов, 2010. 180 с.
5. **Кайс З.** Гармония цвета [Электронный ресурс]. URL: <http://director.com.ua/stil/garmoniya-tsveta> (дата обращения: 10.08.2014).
6. **Ковтунова И. И.** Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX в. // Очерки истории языка русской поэзии XX в. М.: Наука, 1990. С. 10-15.
7. **Марченко К. Н.** Контраст у Горького // Словообразование и стиль писателя. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 85-92.
8. **Матвеева Т. В.** Учебный словарь: русский словарь, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта; Наука, 2003. 431 с.
9. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: Оникс, 2007. 1328 с.
10. **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под редакцией М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2011. 696 с.
11. **Философский словарь** / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 720 с.
12. **Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 23.04.2014).

NOMINATIVE FUNCTION OF SEMANTIC AND STYLISTIC CONTRAST (BY THE EXAMPLE OF STORIES CYCLE “EXTRAORDINARY STORIES FROM THE LIFE OF CITY KOLOKOLAMSK” BY I. ILF AND E. PETROV)

Sergeeva Ekaterina Vladimirovna
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
ESergg@yandex.ru

The article is devoted to the study of the nominative function of contrast by the example of short stories –The Extraordinary Stories from the Life of City Kolokolamsk” by I. Ilf and E. Petrov. The author considers the features of contrast implementation in word combinations and sentences handed down in the strong position of the text: the title of the story, the heroes’ names and so on. The functions of contrast in creating a comic effect, as well as its role in the manifestation of the author’s attitude to the modern reality are indicated.

Key words and phrases: contrast; semantic contrast; stylistic contrast; nominative function; text.